

сти предстает в его худож. мире в категориях мифологизированного народного сознания, как противостояние святости и сатанинства. Идея абсурдности пореволюционного мироустройства нашла адекватное худож. воплощение в мотиве двоемирия, который доказывал враждебность насильственного переустройства мира традиционной жизни. За внешней бесстрастностью в «натуралистически» поданных наблюдениях Р. нельзя не увидеть боль и тревогу художника, не приемлющего тех форм жизни, которые приводят к гибели нравственный потенциал нации.

Во второй половине 1920-х Р. создает ряд социально-психологических рассказов, посвященных вопросам любви, семьи, брака. Беспокойство писателя вызывают упрощенные теории насильственной переделки человеческого сознания (в частности, новые теории семьи и брака), пытавшиеся доказать исторически преходящий характер нравственных норм. Рассказом **«Без черемухи»** (1926), вызвавшим бурную полемику в печати, волну читательских неистовых диспутов, Р. выступил против вульгарного материализма и нигилизма, которые насаждались в те годы в молодежной среде. Р. защищал духовность и романтику любовного чувства. В рассказе **«Суд над пионером»** (1927) писатель противостоял официально провозглашенной лицемерной духовной аскезе, грозившей упрощением великих жизненных таинств.

К трагическим судьбам русской интеллигенции в Советской России Р. обратился в повести **«Право на жизнь, или Проблема беспартийности»** (1927), в которой исследовал взаимоотношения таланта и требований эпохи, губительную для общества политику власти по отношению к интеллигенции. В повести нашел отражение последний этап поглощения личности тоталитарным режимом. Эти же проблемы Р. затронул и в романе **«Товарищ Кисляков»** (1930) — во многом итоговом для писателя. Произведение, изображавшее «перековку личности» как попрание всех моральных норм, естественно, было объявлено клеветническим, а после опубликования перевода романа в Англии — и контрреволюционным. После развязанной травли Р.-писателя практически перестают печатать, начинается планомерное вытеснение его из лит.-ры. Художник, стремившийся в своих произведениях вскрыть губительное воздействие мертвящих форм жизни на личность, на себе испытал их смертоносную силу. Вышедший в 1933 роман **«Собственность»** говорил о спаде творческих сил Р. После смерти писателя его книги и само

имя были надолго вычеркнуты из истории русской лит.-ры.

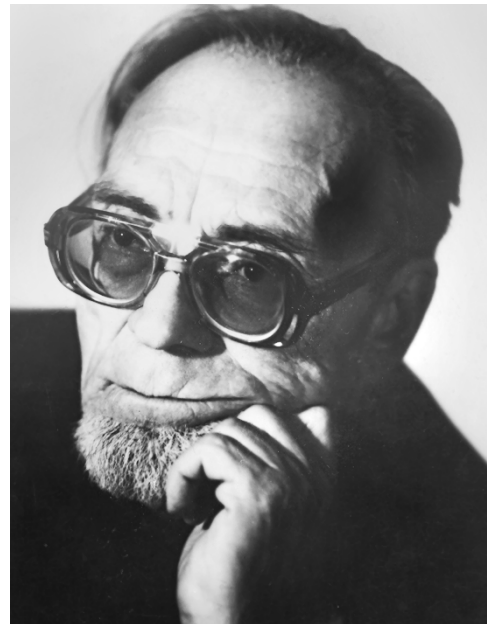
Соч.: ПСС: в 12 т. М., 1929–1930; Избранные произведения / сост., вступ. статья и комм. С. Никоненко. М., 1988; Светлые сны: Роман, рассказы. М., 1990; Рассказы. М., 1991.

Лит.: Пантелеймон Романов: Критическая серия. № 13. М.: Никитинские субботники. 1928; Афанасьев Э. Л. Пути моей земли хочу принять целиком... // Романов П. Детство: повесть и рассказы. Тула, 1986. С. 363–382; Петроченков В. Творческая судьба Пантелеймона Романова. Нью-Йорк, 1988; Сушилина И. К. Дорогой своей подлинной жизни // Романов П. С. Яблоневый цвет: повесть и рассказы. М., 1991. С. 3–10.

О. Г. Малышкина

РОМАШОВ Андрей Павлович [26.8.1926, д. Шляпино Ильинского р-на Пермской обл. — 10.8.1995, г. Екатеринбург] — прозаик.

Р. родился в крестьянской семье. Дед по матери — лесобъездчик в бывшем имении Строгановых. В нояб. 1943 ушел добровольцем в армию. Демобилизовался летом 1946. В 1951 окончил историко-филол. ф-т Пермского ун-та. Студентом приглашался в археологические партии по раскопке «чуждских древностей» под руководством ленинградского археолога Отто Бадера. Осенью 1951 безуспешно пытался поступить в аспирантуру в Институт русской лит.-ры (Пушкинский

А. П. Ромашов

Дом). 3 года проработал учителем на маленьких станциях Забайкальской железной дороги. По возвращении на Урал работал в газ. «Лесник Прикамья» и редактором лит. передач на Пермской телестудии. С середины 1970-х жил в Свердловске. Член СП с 1966.

Первым крупным произведением Р. стала повесть **«Раннее утро»** (1957). Этот год оказался переломным не столько благодаря повести, сколько участию во Всесоюзном совещании молодых писателей, куда Р. привез пацифистский рассказ о войне — **«Огонь»**. С помощью руководителя семинара Г. Троепольского рассказ **«Огонь»** был напечатан в воронежском ж. «Подъем» (1959. № 4).

Под воздействием лит-ры, выходящей за пределы официально рекомендованного, формируется широкое философско-гуманистическое мировоззрение Р. Не случайно появление среди его настольных книг памятника древней буддийской лит-ры — «Дхаммапада» в переводе В. Н. Топорова (1960). Исторические повести Р. о судьбах «первонаселенников» Прикамья в X–XV вв. (**«Лесные всадники»**, 1959; **«Земля для всех»**, 1963) не содержат характерной для социалистического реализма социально-классовой ориентации. Драматические конфликты уходят в глубь патриархально-родовых отношений и в сферу борьбы с природой. Эпическая, несколько романтизированная фигура новгородского крестьянина Кондратия Руса внушает надежду на мирное сосуществование народностей с разными религиозными верованиями.

В 1960–80-е Р. стремительно растет как художник-реалист, мыслитель и социолог. Его интересуют острее мировоззренческие вопросы, преимущественно те, которые до «перестройки» не были предметом широкого обсуждения. К примеру, что такое революционный гуманизм — социальная справедливость или крайняя жестокость? Утверждение последнего содержится в образных коллизиях повести **«Первый снег»** (1965). Правда, «цепочка зла» началом которой послужил расстрел невинного охотника, приговоренного «революционным судом», несколько логизирована, но главное остается: Гражданская война предстает бессмысленной братоубийственной бойней.

«Первый снег» вызывает заметное критическое охлаждение к творчеству Р. Еще большие возражения со стороны приверженцев партийной лит-ры вызывает вторая повесть о Гражданской войне — **«Одолень-трава»** (1974). Если первая повесть вскрывает пре-

ступность гуманизма «революционного», то вторая пишется в защиту гуманизма «абстрактного». Носителем доброты и сострадания к «красным» и «белым» оказывается лесник Никифор — обрусевший потомок древних жителей Прикамья. Природный ум и острая наблюдательность таежника позволяют «человеку из народа» понять крайности обеих сторон. Революционной жестокости красноармейца Семена противопоставляется рефлексивность умного белогвардейского офицера, который хорошо понимает, как «дорого обойдется России сказочка о земном рае». Для одного из главных руководителей Пермской писательской организации эти слова стали основанием, чтобы назвать повесть «Одолень-трава» «антисоветчиной». Повесть вышла в Перми отд. изд. лишь благодаря энергичной поддержке со стороны Виктора Астафьева.

Вершинным произведением творчества Р. по праву считается философская повесть **«Диофантовы уравнения»** (1981), написанию которой предшествовало многолетнее изучение философии, культуры и быта поздней античности (события происходят в египетской Александрии в V в.). По условиям времени Р. обращается к иносказательным формам выражения темы (зарождение т. н. нового мышления), достигая почти парадоксального взаимопроникновения эпохи раннего христианства и послереволюционной советской действительности. Главный смысл выражается уже в самом названии. Математическая формула становится худож. образом-понятием, подобно тому как это происходит с бажовской «живинкой» — словом, обнаруженным в производственной лексике. Диофантовы уравнения, не имеющие единственного решения, переносятся на область социальных теорий. Из рассуждений античной женщины-философа Гипатии (героини повести) читатель делает вывод, что марксизм-ленинизм, претендующий на окончательное слово в вопр. истории и философии, искусства и лит-ры и т. д., не более чем одна из множества «проб» или «подстановок к неизвестному».

Затруднительно было нанести столь основательный удар по «всеобъясняющей» системе взглядов в столь корректной форме. Наступал конец обязательному цитатничеству, сковывавшему живую творческую мысль на протяжении более полувека. Не удивительно, что повесть была опубликована вопреки охранительным тенденциям, в провинции достаточно сильным (Урал. 1981. № 4; редактор ж. — Валентин Лукьянин). «Диофантовы урав-

нения» переиздавались в Свердловске-Екатеринбурге в 1983, 1991, 1997.

В 1980-х — начале 1990-х главной темой творчества Р. становится крестьянская Россия. Тревожные раздумья о ее будущем передает старообрядческая легенда, зафиксированная в подготовительных материалах к производству: «Бог отдал Сатане кроткую, богобоязненную Русь, чтобы испытать ее: не отречется ли она от Бога?»

В эти годы завершена первая часть задуманной трилогии — роман **«Осташа-скоморох»** (1993), действие которого происходит в канун Первой мировой войны (от Пасхи 1913 до Масленицы 1914). Особенный смысл придается образам «скомороха» Осташа (сельского краснбая, песенника, сказочника) и его жены «колдуньи» Парани. С этими персонажами связывается множество фольклорных жанров: это песни, плясовые, обрядовые, лирические, шуточные, сатирические сказки, исторические рассказы (о князе Владимире и об Иване Грозном), утопические легенды о стране счастья Беловодье, духовные песнопения и стихи, языческие заклинания на Масленицу, песни девушек на Троицу, заговоры, пословицы и присловья. Фольклор — это богатейший духовный потенциал крестьянства, связанный с извечной сменой времен года и непреложным ритмом земледельческих работ. С точки зрения крестьянского сознания, жалкими и ненужными представляются социалисты разного толка, в особенности городские женщины, призывающие крестьян «на борьбу с капиталом». Жизнь идет своим чередом, в ней постоянно что-то отмирает, а что-то нарождается (распадается патриархальная община, молодежь тянется в город). Поступательное движение Р. улавливает в духовном развитии личности, в просвещении, в новых формах хозяйствования (выход на отруба). Жизнь сама ищет ответы на самые сложные вопросы и не требует насильственного вмешательства. Читатель волен принимать или не принимать авторскую философию — сам Р., овладевший искусством максимально сжатого, объективированного письма, ни на чем не настаивает. Его роман предостерегает от необдуманных и поспешных решений.

Замысел объемного повествования, которое предполагалось довести до коллективизации, остался неосуществленным. Трудно уловить логику, по какой связана с предыдущими произведениями последняя повесть Р. под названием **«Ярость»**. По особенностям жанра это философская притча о трагической судьбе художника в первобытные време-

на. Очевидно лишь, что тема не была случайной для Р.

Соч.: Раннее утро: повесть. Пермь, 1957; Огонь: рассказ // Подъем. 1959. № 4; Лесные всадники: повесть. Пермь, 1959; Земля для всех: повесть. Пермь, 1963; Одолень-травка: повесть. Пермь, 1974; Исторические повести. Свердловск, 1986; Диофантовы уравнения: повесть // Урал. 1981. № 4; Одолень-травка: повести. Свердловск, 1991; Осташа-скоморох // Урал. 1993. № 1; Ярость: повесть // Урал. 1995. № 8; Осташа-скоморох: повести. Екатеринбург, 1997.

Лит.: Стариков В. Андрей Ромашов и его повести // Урал. 1964. № 5; Горбунов Ю. «Вчера» и «сегодня» // Урал. 1981. № 6; Лукьянин В. А земля пребывает во веки // Ромашов А. Одолень-травка: повести. Свердловск, 1991; Лукьянин В. А. П. Ромашов // Лит-ра Урала. Екатеринбург. 1998; Лукьянин В. Приближение к бездне // Ромашов А. Осташа-скоморох: повести. Екатеринбург, 1997; Немзер А. На пороге нищего царства. Осташа-скоморох Андрея Ромашова // Сегодня. 1993. 8 июня; Слобожанинова Л. Мир русской деревни // Урал. 2000. № 2; Слобожанинова Л. Поклоняйтесь разуму и добру // Урал. 2001. № 8.

Л. М. Слобожанинова

РОМАШОВ Борис Сергеевич [18(30).6.1895, Петербург — 6.5.1958, Москва] — драматург.

Родился в семье актеров. Отец — Сергей Максимович Ромашов — в 29 лет умер от чахотки. Мать — Екатерина Васильевна, «очень энергичная женщина, образованная всесторонне, актриса и музыкантша», выступавшая под псевдонимом Мещерская — переехала в Киев, где работала в театре Соловцова.

«С ранних лет я имел непосредственное отношение к театру, исполняя разные детские роли в спектаклях, и мечтал стать актером», — вспоминал Р. В годы учебы в 1-й Киевской гимназии Р. участвовал в любительских спектаклях, занимался живописью. К этому времени относятся первые лит. опыты — в основном стихи. Окончив гимназию в 1915, Р. поступил на юридический ф-т Московского университета, но «учился в нем мало и неродиво». Одновременно с учебой Р. работал в профессиональном театре, где много играл («Время моей профессиональной работы в театре охватывает с небольшими перерывами 1916–1921 гг.»). Кроме работы в театре Р. посещал различные лит. кружки, занимался журналистикой: писал театральные рецензии и фельетоны в стихах.

В 1920 Р. стал актером и режиссером 1-го Советского театра в Пятигорске, открыл свою драматическую студию, работал в газ. «Те-